

Елена Сафронова

жители ноосферы

Елена Сафронова

Жители ноосферы

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6986511

Жители ноосферы: Время; Москва; 2014

ISBN 978-5-9691-1230-8

Аннотация

Будни журналистики, повседневная газетная работа, любовные истории, приносящие разочарования, – это фон романа «Жители ноосферы». О заурядных вещах прозаик и публицист Елена Сафронова пишет так захватывающе и иронично, что от повествования трудно оторваться. В рассказ о перипетиях судьбы журналистки Инны Степновой вплетаются ноты язвительной публицистики, когда автор рассуждает о нравственной стороне творческого процесса и о натурах его вершителей – «жителей ноосферы».

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Сафронова

Жители ноосферы

Часть 1

ВИРТУАЛЬНОЕ ЗАЧАТИЕ

Глава 1

То не солнышко ясное закатилось за тучи октябрьские сизые, то мне дядя Степа мыльный тазик на срочную доработку вернул.

Дядя Степа – это не добрый милиционер, а мыльный тазик – это не стиральные помои. Тот и другой, соответственно, означают в моей жизни главного редактора Степана Васильича и мелодраматические истории, где любовь, морковь, злая свекровь, которые я вяю в каждый номер еженедельника. Очень хорошо у одинокой бабы с хронической эрозией личной жизни получается, гладко и складно, по законам жанра. Но сегодня, каюсь, промашку дала, не учла рабоче-крестьянское происхождение дяди Степы, написала поэзу о студенческом чувстве, и дядя Степа мне ее вернул, «богемой»

громогласно обозвав. Не поняла я, кого – меня или героев. И прибавил:

– Ты пиши так, как прошлый раз, чтоб наборщицы плакали...

Прошлый раз – то есть летом. Красивая, верно, получилась и слезная сказка, как они любили друг друга, а потом он с головой в интернет ушел и выцепил там себе красотку с порносайта. Типа, фотомодель. И сказал: «Надоела мне моя Матрена!».

Дядя Степа, противу моих тогдашних опасений, оценил:

– Актуально! А то, черт их, лезут все молодые в компьютер – вот пусть почитают!

А наборщица Зинаида Ивановна носом шмыгала и корвалол пила:

– Как у тебя, Инночка, все жизненно получилось!..

Еще бы не жизненно – всерьез вены вскрыть хотела. Фотомодель – это выдумка, конечно, упрощение. Было круче.

Самым душещипательным моментом показался сентиментальной Зинаиде Ивановне долгий поцелуй на вечерней автостраде в лучах проносящихся по касательной фар. С него начиналась мыльная жвачка.

Ну что ж, надо студентов заменить на пэтэушников, а плохой финал на хороший, тогда дядя Степа расплывется в улыбке, а Зинаида Ивановна – в слезах. Вот только закурю, а то вовсе без сигареты не работается...

– Здравствуй...

Что за чудо природы материализовалось в моем кабинете?

На вид несовершеннолетнее, кроссовки 40-го размера, само – 34-го, прическа вся из челки состоит. Ну его (или ее?) в болото, я кислотной молодежью не занимаюсь. Поди, будет на очередную тусовку каких-нибудь «пауков» или «сверчков» звать.

– А кто тут Степнова?

– Я. Проходите. Присаживайтесь, слушаю вас...

Незадача какая – одна в кабинете, все прочие журики в разъездах.

– Это... я с вами лично поговорить хочу.

– Вот как? Я готова. Только не могли бы вы объяснить, почему именно я нужна вам?

У посетителя (или -льницы, елки-палки?) на лице написано: «Чаво?». Я опять слишком изысканно разговариваю с народом – вслух. Про себя выражаюсь гораздо понятнее: «Черти тебя принесли!».

– Ну... я спросила, где тут Павлова сидит, а мне говорят – это Степнова. Ну... я и пошла к вам.

«Спросила» – значит, она. Но, между прочим, кто это мой псевдоним с полпинка раскрывает?

– А кто сказал, что Павлова это я?

– А... там морж на лестнице курил.

Экая наблюдательная! Дядя Степа в усах и с залысиной, низенький и мешковатый – и вправду вылитый морж. И закон о печати, пункт о раскрытии псевдонимов только по су-

ду ему не писан.

– Итак, что вы хотели мне сообщить?

– Это...

Ну, ясно, не то. В смысле, ничего умного.

– Курить можно?

– Можно. Но вредно.

Она меня раздражает. Рожай скорей, девочка, свое приглашение на стрелку, и я запущу мыловарню! Так нет – закуривает долго и нудно.

– Ты Пашку давно видела?

Кто это меня спросил? И о чем?

Эта странная визитерша в тертых джинсах с художественной бахромой, в майке с эффектом вечной мятости под брезентовкой, с чубом до сигареты. Она перешла на ты и назвала Пашку. Как понять?

Морда лица у меня тренированная (научилась за тридцать лет!).

– Во-первых, мы с вами, юная леди, на брудершафт не пили, а во-вторых, какого именно Пашку вы имеете в виду?

А когда я волнуюсь, у меня болит желудок. Вот, пожалуйста – сдавило, как лапой в резиновой перчатке, и перчатка прилипла.

– Ну... сама знаешь. Дзюбина. Ты про «ты», что ли, обиделась? Это... ну... мы ж с тобой как бы заочно знакомы.

Современный брудершафт – это знакомство через одну и ту же постель. Конечно, я сразу догадалась, о ком речь. И

можно ли было не догадаться? Если восемь минут назад чуть не разревелась. Если десять минут назад дядя Степа похвалил мелодраму с главным героем – фанатом интернета. Если с утра я как раз злобно подумала: ну и где ты теперь, паразит, дегустируешь вкус жизни? – а сама подавилась поганым кофе от обиды на жизнь... или на означенного мужика?

– Пусть так – мы с тобой заочно знакомы. Хотя... каким образом ты меня нашла?

– А... это... он говорил про тебя. Типа, он в тебе сильно завяз. Хвастался. А потом я вашу газету прочитала. Твою статью.

Дым от ее сигареты перед глазами. Не дым, а серо-сиреневые летние сумерки. Краснодарский край. С неба хлопьями падает темнота. Эстакада моста – проезжая часть, тротуар, гранитный парапет в полроста. Мы обнялись и присосались друг к другу. Мимо с воем – скорость запредельная – машины. Я сквозь закрытые веки ловлю череду вспышек во мраке – как след трассирующей пули.

Угловатым комом на нас катит жуткий музон, и чья-то луженая глотка орет, не жалея связок: «Так держать!».

Другие левые возгласы: «Во дают!», «Раз, два, три, четыре!», «А со мной слабо?».

«Пашка, а если им тоже захочется?»

«Их проблемы. Тебя я у кого угодно отобью!»

И чего я так распереживалась? Даже не единственный мой красивый роман. Кто бы только объяснил, почему мои чару-

ющие «лав стори» кончаются всегда уродливо?

– Это... а куда бычок деть?

Уборщица опять выбросила пепельницу – неприлично распертую окурками кофейную банку, и в другое время я бы ее обругала, а сегодня мне это на руку. Тяну ладонь, не поворачивая лица, хватаю бычок – и в окно его! Вместе с моим волнением. Лишнюю секунду девка не видит моих глаз... а сейчас я уже могу на нее посмотреть.

– Я, знаешь ли, рада, что мой... наш Пашка про меня тебе говорил. Но мне-то про тебя рассказать было некому.

– Чего?

Господи, ну и дура! Ученица школы для умственно отсталых детей!

– Зовут-то тебя как? Ты вообще кто?

– Я? Дашка.

Пашка – Дашка, надо же...

– Учишься? Работаешь?

– Не. Хиппую. В Москве.

– А что, за это платят?

– Чего?

Даже если бы я возжелала подарить дяде Степе репортаж про новых хиппи, у меня бы ни фига не вышло. Яркая особь их популяции двух слов связать не может.

– Живешь на что, говорю?

– А-а... Так. Когда пою в переходах. Когда на общак. Раньше черепа подбрасывали.

– Черепа в Москве? – это, чтоб вы не пугались, «родители» значит.

– Отец. Мать тут. Сестра.

Думала еще спросить, много ли можно напеть таким вялым невыразительным голосом... да ну ее на хрен! Не прикалывает меня жизнь хиппи! А вот Пашка относился к ним с пиететом. Особенно, говорил, в юности. Да и сейчас, вижу, не остыл интерес к экзотике.

– Ну и зачем ты меня искала – специально, поди, из Москвы приехала?

– Ага. Это...

У хиппарей есть свой особый язык. Какой-то квакающий. Они на нем шпарят ну очень бойко, а слова остального пипла забывают. Дашка все время словарик в голове листает.

– Ну я, короче, к тебе – а то к кому еще?

– Смотря зачем.

– А я беременная.

На мой хохот Зинаида Ивановна из коридора заглянула. Нет, лучше пойдем мы с этой дурехой во двор – там спокойнее.

– Я тебе что – женская консультация? – спрашиваю, усадив Дашку на мокроватую со вчерашнего дождя лавку и плюхнувшись рядом своими кожаными штанами.

– А я от Пашки беременная.

– И все-таки я не акушер-гинеколог.

– Чего?

– ...Деда моего! Ты другие слова какие-нибудь знаешь?!

От моей ярости скамейка ходуном заходила. А она – тормоз тормозом – смотрит сквозь лохмы.

– Закурить дай.

– Тебе вредно... мать-героиня.

Но даю – подавись!

Откуда ей знать, что самая жгучая язва моей жизни – дети, которых у меня нет... или мужики, которые не хотят, чтобы дети у меня были? Дашке на мои годы смотреть снизу, задирая подбородок, и не высмотреть ни фиги. Кстати, о возрасте...

– Тебе лет сколько?

– Восемнадцать.

Совершеннолетняя, значит. Не светит Пашке статья. Хотя какая там статья у хиппи...

– Знаешь что, Даша, – говорю, – у меня твой... наш Пашка восемнадцатым номером записан, и после него еще десятков, – вру, конечно. – И хотя мы с ним классно провели время, это время кончилось почти полгода назад, в июне, въезжаешь? Так что чем я могу тебе помочь, при условии, что не принимаю роды и не выписываю колеса, ума не приложу. Направление на аборт – тоже не ко мне...

– Не... мне не аборт. Это вообще нельзя. Не по природе. И колеса не нужны. Пока есть, а заломает – знаю, где взять.

– Господи, кого же ты родишь?!

– Кого по природе положено.

Удушила бы за такое хладнокровие!

А может, я просто к ней ревную?

– Я пошла, Даша, приятно было познакомиться, но меня работа ждет.

– Не, погоди. Это... я тебе главного не сказала... Хочешь, я тебе своего ребенка отдам?

Не судьба мне оказалось со скамейки встать – коленки задрожали, как отбойные молотки. Рука сама в карман за сигаретой нырнула.

– Я... это... уже решила. Пашка говорил, ты детей хочешь, а они у тебя не родятся. Может, природа против. А мне ребенка куда? Пашка дальше уехал.

Облегчением от этой новости ошпарило. Я точно ревную.

– В Читу, к буддистам. Сказал: «Вкус московской жизни за десять лет не изменился. Я опять, как в студенчестве, соскучился. С тобой стало пресно».

Может, я и сомневалась в правдивости Дашки, может, подсознанием перебирала знакомых – какая сволочь приготовила такой занимательный розыгрыш, – но услышала эту цитату... Пашка, из неопубликованного... Короче, она не врет ни грамма. Это его фраза. Наивной хиппачке такую не сконструировать. Моим недоброжелателям неоткуда почерпнуть Пашкин лексикон. «С каждым в принципе чудесным человеком может стать пресно! Даже с самым-самым сказочным, например, как ты, заяц». Нашел зайца, фыркала я, нам с тобой под четвертый десяток. Фырка-

ла, чтобы не выдать потайного: похоже, снова-здорово шарик рулетки мимо моей ставки! Очередной мужик, которого я питаю своей энергией, уйдет счастливый, мнящий себя настоящим мэном. Так и вышло...

Опять отвлеклась.

– Видишь ли, Даша, если бы я могла позволить себе роскошь иметь ребенка, я бы родила сама. Но образ жизни мой таков, что я не вправе этого делать, потому что мы в ответе за тех, кого приручили. Пока я одна, у меня не будет детей от случайного на пути человека. Я не понимаю, когда говорят: «Завести ребенка пора!». Страсть – плохой советчик. Не хочу, чтобы мой ребенок не знал отца, чтобы ему отмерена была лишь половина по природе положенной любви. Это негуманно.

– Чего – от случайного? Не от случайного, а от Пашки.

– Да сам-то Пашка где? Не вынуждай меня на рифму...

– Неправда все. По природе женщина должна иметь детей.

И мужчина тоже. Тебе он особенно нужен.

– А тебе, выходит, нет, раз хочешь отказаться.

– Не отказаться. Тебе отдать. Он же Пашкин. Ты его любить будешь, как Пашку. Я... это... статью читала...

– Ты уже говорила.

– Чего ты врешь про восемнадцатый номер? У вас любовь была. Он тебя тоже... ну... это... просто он такой, на месте не умеет сидеть. Ты на него не злилась. Если, конечно, тебе бэбик совсем не нужен, ну, я... это... разберусь как-нибудь. А

только я это... Ну, решила. Типа, ты девчонка клевая должна быть. А я, прикинь, с бэбиком в переходе? Мать говорит, из дома попрет. Уже поперла. А Пашка, он... это... он не знает ничего. Он вообще легкий.

Легкий. Работа ему везде найдется, где есть компьютеры. В Чите тоже. Больше всего он любит вкус жизни. Мне бы такую жажду – а то кисну по месту прописки.

– Срок маленький, два месяца. Пашки уже полтора месяца нет. И не будет. Я хотела к матери, а она все время говорит: типа, нагуляешь – погоню, от людей стыдно. А ты... это... подумай... Ты девчонка клевая, конкретно...

– Тебе денег дать?

– Ну... это... разве на билет. В Москву поеду.

Суу ей, не считая – лишь бы ушла.

– Даша... ты лучше больше не приходи. Мне жаль тебя и твоего ребенка, но... с тобой, наверное, ему будет лучше... у меня работа не для семейной жизни... Я сама легкая, не хуже Пашки... Вдруг ты с матерью помиришься? Вернешься домой? Я бы тебе советовала. Ведь по природе у всякой живой твари должен быть свой угол...

– Не, мне... это... у матери делать нечего. У нас колония в Москве. Надо жить там, где тебя понимают. А черепа никого из наших не понимают. Ну и фак их... Ты мне лучше нравишься, чем мать. Че, тебе пора? Ну, бай-бай.

Мало того, что в курсе наших с Дашкой гинекологических дел весь редакционный двор – разговор-то шел на по-

вышенных тонах, – так еще в лестничном окне, у какого курят только самые законопослушные сотрудники редакции, топорщатся злые усы дяди Степы. Надо понимать – времени полшестого, смерклось, в кабинетах свет позажигали, а мыльного тазика с исправлениями нет как нет. И, судя по моему душевному раздраю, сегодня уже не будет.

Дядя Степа взялся меня в двадцать четвертый раз увольнять. Нынче – за нарушение трудовой дисциплины: целый день без строчки, а материал в понедельник в полосу ставить. Но Дашка заразила меня хиппарским пофигизмом.

Степан Васильич мне, для начала:

– Написать мелодраму человеческую не можешь!

Я ему:

– Сами напишите, посмотрим, что у вас получится.

Тут-то все и началось. На вид поставили. Дерзость начальству – не по уставу.

Хорошо, пятница.

Два выходных – непреходящая ломка. Легкий человек Пашка, а действует – как тяжелый наркотик. Одно воспоминание о нем – сверхдоза героина по венам. Чтобы не ломало, прибегла к национальному русскому наркотику традиционным образом: с одной подругой, с другой, с третьей и ейным мужиком... Короче, на пути домой – отправила провожатых, загорелось пешком пройти по осенней ночи – меня раскочало ой-ой-ой как, тут подрулила машина с каким-то кадром

за рулем, и он меня возил по городу, поил пивом и пытался склонить сами понимаете к чему, я его грубо обломала, вышла из машины, обнаружила, что вокруг меня микрорайон Прибрежный, и шкандыбала весь остаток темноты до родной квартиры, покупая в каждом лотке то пиво, то джин-тоник. В вырезвитель не угодила, видимо, потому, что Боженка пьяных оберегает. Все думала: как он мог с этим унисексом!.. А потом блевала в ванной, и с каждой порцией зелья, извергнутой из себя, светлела головой. Как мог, как мог... Мог он всегда неплохо. Дашка молоденькая, если ей под челку заглянуть, наверное, хорошенькая, а в неразборчивости пола есть некая пикантность. И нечего постфактум по стенкам ползать. Есть у меня одно испытанное средство переболевания – мелодраму написать в газету. Или что посерьезнее, но в стол.

В понедельник с утра и написала махом. Душевно получилось, Зинаида Ивановна опять сердечные глотала: «Да как же это так – ребеночка-то в чужие руки? Моей-то уж двадцать лет, и то вся душа изболит, как уйдет куда...». Далее по исконно российскому бабьему жалостливому тексту.

Глава 2

Весна пришла и ушла, будто капризная гостья. Май впадает в июнь, сады цветут – один раз в год, как известно.

Будильник провизжал нечто раздраженное, наверное, с полчаса как – все валяюсь. Туристская песня «Что-то не удалось» в голове лязгает, как товарный состав. Началась она, когда я еще спала – с какой-то дальней станции, из травы по пояс, вышел унылый поезд, на боках пульманов – строчки песен. Едет и едет сквозь меня. Не к добру Пашка приснился, вот песни и вспомнились.

Шли по обочине той почти горной дороги, обнявшись, и горланили весь репертуар шестидесятников – туристские, бардовские, дворовые. Потом перешли на Розенбаума. А потом дошли до хибары, что снимали, и там воровато замолчали. Вот черт, до сих пор живы детали декоративного фрагмента моей долбаной жизни!..

Май на дворе, любимый месяц, а я в прострации лежу брюхом кверху и прикидываю, как еще придется мне маяться в эти благоухающие дни. Худшей маетой мнится мне командировка в Прутвино по на редкость идиотскому письму: даму изнасиловали лет двадцать назад, теперь она очнулась и жалуется в газету. У меня лично сложилось впечатление, что торопится поделиться подробностями, пока не забыла.

И все, что можно, она уже через пень-колоду изложила. Переписать живописнее я могу у себя за столом, – заметила я вскользь, как бы в пространство, но дядя Степа услышал, понял правильно и изрек, что мы должны знать, каково живетя народу. Тем самым выводя нас, творческую интеллигенцию, за рамки этой категории. И предстоит мне сей полет фантазии на текущей неделе, а Прутвино, между тем, – это Залесский район, название которого очень точно отражает его местоположение. Три часа в один конец. Оттого и вставать влом.

Новое верещание. Будильник с ума сошел, что ли?

Мамин голос – такую интонацию я зову «с перекошенным лицом»:

– Инна, вставай срочно! Скорее сюда!

– Ну что-о, господи, за пожар...

Ни-че-го себе!

Десять минут в башке единый вопль: «Ничего себе, мать-перемать!»

На пороге квартиры – коробка из-под бананов. Пищит. Мама пошла было выносить мусор, споткнулась о коробку – та вякнула. Моя родительница, не побоявшись ни чеченского теракта, ни чего бы то ни было, открыла верхние створки и взвыла сиреной. В каком-то грязном одеяле – младенец. На животе, подобно ценнику из магазина, пришпилен белый листок. Мать читать, что в нем, не стала – естественная реакция человека, – а бросилась выдергивать из спячки меня,

видно, печению почуяв, что экзотическое нынче деяние связано со мной. А я пялилась на весь комплект – упаковочная тара, тряпки, темно-бордовая мордашка и белая блямба наверху – и знала заранее, какие слова увижу, если соблаговолю наклониться и детку на руки взять. Но человеческого детеныша поднимать страшно – он такой чрезмерно настоящий, слишком живой, с ним – только очень осторожно, а откуда в моих не знавших грудничков руках бережность?

Мать опередила меня («Ну что же ты стоишь? Давай его хоть в дом внесем...»), подхватила «посылочку» с пола, и я прочитала то, к чему была готова:

«Инна, я решила, ей с тобой будет лучше. Назови как хочешь. Претензий не имею. Беспокоить тебя не буду. Может, еще встретимся, если это будет по природе, а нет – бай-бай.»

Мне говорили, нужен отказ от ребенка. Короче, не въеду, как его писать. Как смогла, так и написала. Адрес твой мне Пашиины друзья сказали. А Пашику я с тех пор не видела.»

Из-под первой записки – в точности аптечные навороты на микстуре – выглядывает вторая:

«Я, Митяева Дарья Викторовна, отказываюсь от своей дочери, родившейся 4 мая этого года. Я хочу, чтобы ее воспитала гражданка журналистка Инна Степнова, отче-

ства не знаю. Обещаю И. Степновой не мешать и ребенка не отбирать. Делаю все сознательно.

13 мая 2001 года».

Типа подпись – страшная каля-маля.

Сучка! Найти и убить. Задолбить ногами...

– Господи боже, этого не хватало! Что за люди, ну что за люди! Как можно бросить такое чудо! – это мать во время моих раздумий втащила «люльку» в прихожую, вынула тельце, давай разворачивать... Кому как, конечно, по мне, чудо какое-то неаккуратное. Страшенькое, под стать банановой коробке, одеялу и...

Рвотный позыв сдержала только утренняя пустота желудка – пуповина новорожденной, сантиметров едва не двадцать, завязана отвратным узлом. Где же Дашка, паскуда, рожала?.. Ох, как мама причитает!

Безымянная Пашкина дочь издает невнятные страдальческие звуки и корчится у мамы на руках. Одеяло сзади мокрое. Мне это кажется трагедией:

– Мам, смотри, она описалась! Что делать?!

– Она не раз описалась за ночь, – сердито откликается мать. – С детишками это, знаешь ли, бывает, и голосок свой умерь, а то она может даже обкакаться.

Маменька моя с юмором. Иногда – с черным. И с золотыми руками. А у меня вместо рук – «золотые перья».

– Накормить ее надо и перепеленать, – продолжает. – И

только потом что-то делать.

– Да, – вроде как шучу и я, – снять штаны и бегать, потому как вариантов нет. Подкидывали ее мне, как видно из записки. Ты, мам, рада?

– Потом поговорим...

Дебет-кредит, актив-пассив: ребенок рожден черт знает где, неведомо кто принимал роды, может, братья-хиппи, сознательно избегающие больниц. Их здоровье – их проблемы. Меня-то волнует другое: у девочки нет никаких документов, кроме явно неформальных Дашкиных писулук. Вся бумажная процедура отождествления ее с человеком ложится на меня. Оно мне надо?!

В уме – провал, в сердце – смута, в руках не держится кружка с молоком, которое мать велела подогреть для мелочи пузатой. Как ее, кстати, кормить, если последняя моя соска выброшена двадцать восемь лет назад? Теперь мне ее заменяет сигарета.

Вся надежда на маму – что она еще не забыла, как с грудными обращаться.

Гляди-ка – не забыла! Глаза боятся – руки делают.

Пока я очертенело курю в прихожей, пугаясь собственных глаз, пойманных зеркалом, она шумит водяной струей, трещит разрываемой фланелью, звякает ложками и наконец командует:

– Иди сюда! Молоко разбавь в этой кружке водичкой кипяченой. Давай мне!.. Сейчас, моя лапочка, я тебя покорм-

лю, – это уже не мне. Непобедимая сила младенческой беззащитности рождает в мамином властном голосе нежнейшие нотки. Разогретое молоко с ложки вливается в крохотную складку на мордочке, которую я бы лично не сочла ртом (но его всасывают с жадным присвистом, значит, еда попала куда надо). – И, может, ты мне все-таки расскажешь, в чем дело?..

– Ну... одна девчонка разыскала меня... нет, не так... помнишь, я ездила с одним кадром на Кавказ? Так вот это его дочка от одной хиппарки...

– А ты тут при чем?

– Ну... – отзываюсь я не хуже Дашки и тяну из кармана халата новую сигарету, – она решила отдать мне свою Пашкину дочь... потому что она Пашкина... а у нас была любовь... а она хиппует в Москве и живет нигде, понимаешь? – и затыгиваюсь. И получаю:

– Ничего я не понимаю! Но курить теперь изволь на лестнице! Ребеночку вреден дым!

От эдакой жесткости тона в свой адрес я чуть сигаретой не поперхнулась, аж загасила ее и довела всю историю до логического завершения. А по истечении истории мать совсем уже по затылку меня долбанула:

– Значит, ты теперь будешь ее удочерять?

– Чего?! – непобедимая Дашка, ты словно вселилась в меня. – С какого переляху? Зачем еще?..

– Мне так показалось. Я не утверждаю, мне просто так показалось. В общем, если все же захочешь удочерять, учти

– надо с маленькой в детскую поликлинику сходить, пройти полный осмотр...

Мама не сразу увидела мои восьмиугольные глаза. А как увидела, сказала тихо и просто:

– Нет, от тебя проку не будет, я сама по врачам пойду.

И есть теперь мое бытование – неравномерный пунктир: тут – вижу себя, тут – вижу ее, такую элементарную и бесконечно сложную, как атом.

Моя замечательная мама, будто веник с моторчиком, – по врачам, по магазинам, по аптекам, и, гляжу, уже сетует, что к молочной кухне не приписывают. Конечно, кто ж туда припишет перекаати-поле без роду, племени и документа! Этой кухни на проштампованных детей-то не хватает, мамыши на ее пороге зубами грызутся за место... знаем, писали злобную публицистику. Девочки полмесяца отроду как бы нет на свете. Она – фантом. Фантом плачет ночами, будто осознает все свои проблемы, а мама его укачивает. Я тем временем курю на лестнице (спать под крик несуществующего существа довольно проблематично) и голову ломаю. А один раз, накачавшись дымом, как клещ кровью, с надутой головой вернулась в квартиру и взяла малышку на руки. Вот приколы – она уснула быстрее, чем у опытной мамы! С того момента мне почему-то стало думать так: у меня есть ребенок!

Мы ее прозвали Кнопкой.

А штрихи моей биографии, не связанные с Кнопкой, все

то, что раньше было важным, теперь кажется мишурой. Хотя от этой мишуры многое зависит...

Оскомину набившая диспозиция: я в кабинете главного редактора докладываю обстановку.

Дядя Степа цедит сквозь сигарету:

– Это твои проблемы. С тебя мелодрама и заметка о переменах в горсовете, – и утыкается в гранки моржиными усами. Аудиенция окончена.

– Отлично, – говорю его почтенным сединам с высоты каблучков, – тогда я в мелодраме про себя и напишу. Мне ребенка подкинули – вы представляете, какой сюжет!

В нашем до боли родном, до изжоги прокуренном кабинете Игорь Елкин слушает меня издевательски внимательно, как клиента с психопатологией, а потом начинает глумиться на плоскую тему: а может, это все-таки твой ребенок? Я посылаю его в пень, а вместе с ним – весь наш мужской коллектив, неделикатный и жизнерадостный.

В контексте статьи о службе опеки и попечительства меня оплескивает озарением: там же работает одна душевная баба, которая все знает, всех видела, ничего и никого не боится, даже журналистов!

Кинув недописанную публицистику, я – в линолеумно-фанерный коридор службы опеки и попечительства, а

там очередь. Вообще-то я хорошо воспитана, но не сегодня. Красную книжку наперевес – и ходу сквозь шеренгу потенциальных усыновителей:

– Граждане, не волнуйтесь, пропустите, без паники, без возражений... – тук-тук-тук под табличку «Инспекторы». – Нина Семеновна, можно к вам?

У Нины Семеновны очки вместе с глазами лезут на лоб, и в каждой линзе – встрепанная я.

– Инна!..

– Нина Семеновна, вы мне очень нужны.

– Пойдем выйдем!

На улице – теплынь, благоухание, зеленое марево. Свернули за угол. Я закурила.

– Рассказывай!

И я захлебнулась прямой речью, и где-то на середине тирады обнаружила себя плачущей. Началась нервная икота и спазмы в горле, перевитом дымом. Потому что начала, дура, с конца: как мама открыла дверь и увидела ее в коробочке. Синевато-бордовую, мокрую, страшненькую. Бедная Нина Семеновна восемь раз вынуждена была поинтересоваться, что к чему. Я провыла эмоциональную часть и перешла к фактографической. Представьте себе фабулу романа эпохи сентиментализма, где непонятая в любви героиня рождает ребенка от легкомысленного соблазнителя, упорхнувшего вдаль по жизни, и, томимая противоречивыми чувствами, оставляет плод несчастной любви сопернице, которую чает

счастливой, – а я все это выдавала всерьез. Закончив сетованием – мол, в лубочном средневековье с формальностями было проще, типа, поклянешься на распяты, что не предашь это дитя, и оно твое с потрохами, а мне вот как поступить, чтобы наверняка?..

– Постой, так это тебе оставили ребенка?

– Ну а я о чем!

– Инна, срочно тащи его сюда, я созвонюсь с Натальей Викторовной из дома ребенка, эту девочку у тебя примут безо всяких яких, как подкидыша. А ее письмо порви. Ты знать не знаешь, чей ребенок, почему он под твоей дверью оказался...

– Нин Семен! Теоретически: я могу удочерить девочку?

– А оно тебе надо?

– Ну все-таки объясните...

Объяснила. О величие непостижимого абсурда нашей родины! Дитя, скажем, своей лучшей, любимейшей, безвременно усопшей подруги, даже если она письменно завещала его под мое покровительство, я могу принять под крылышко лишь в единственном случае – когда у малыша нет на всем свете никаких родных. Или когда они официально отказываются от опекуна и прав на малыша. Тогда я могу ходатайствовать, чтобы эти права передали мне. Могут передать, могут отказать... и вообще, суд разберется, если дело сомнительное...

Я сама не заметила, как скользящим, легким движением

эфы по песку переместилась к испугавшимся зрочкам Нины Семеновны:

– Вы сможете сделать так, чтобы мне передали право опекуна? Или даже удочерения?

Она отклоняется от меня в искреннем шоке:

– Ин, ты в своем уме? Инна! Какая-то хиппарка родила не пойми от кого... Они все наркоманы, спидозные через одного... Ребенок наверняка болен... Если тебе так хочется усыновить кого, давай я тебя на очередь поставлю, хоть проверенного тебе отдадим... А этой ты только на лекарства работать будешь! А пеленки, а памперсы... Да ты вообще знаешь, во что тебе обойдется ребеночка этого выходить? Да и любого другого? Это, подруга, не роскошь, а разорение страшное! Куда тебе ярмо на шею? Ты у нас дама одинокая, безмужняя, ты бы о себе подумала...

– Да, Нина Семеновна, да. Я одинокая. Я безмужняя. Я о себе хочу подумать.

Губы говорят, а глаза следят – сумерки цвета дымчатого топаза, пухлые светочи фонарей вдоль моста, узор звезд над лицом, когда Пашка подхватил меня на руки, перекинул над парашютом: «Боишься? – Нет! Я же тебя не выпущу! – Тогда тест на доверие: а если вместе упадем? – Вместе ничего не страшно! – Ты храбрый маленький заяц...» Но поскольку эта картина сокрыта от Нины Семеновны, ей не понять моего решения.

Она пытается говорить что-то безусловно справедливое,

на лице у нее выражение школьной учительницы.

– Нина Семеновна, спасибо за то, что обещали поддерж-
ку...

– Я обещала?!

– Я так поняла. Разве нет? Короче, я сейчас пойду, вы мне
уже очень помогли, и я надеюсь, что в следующий раз вы
меня просто спасете. Моей же благодарности не будет границ
– иногда, знаете ли, и журналисты бывают полезны...

Недаром же мне все коллеги говорят: «Лиса ты, Ин-
ка!» Совершенно лисьей побежкой, заматавая следы хвостом,
скрываюсь через дыру в заборе.

Я снова на работе, за столом, с ручкой в руке, замерла над
листом бумаги – срочно дошиваю тематическую полосу. Не
шьется.

Игорь: – Ин, дай сигареточку!

Я (*рассеянно*): – Нету. Я курить бросила.

– ?!

Три пары ошалевших мужских глаз, три дурацкие улыбки
направлены на меня одну:

– Ну даешь, кормящая мама! Война в Чечне прекратится,
наверное!

Я иду на должностное нарушение – в смысле, использую
профессиональные возможности в личных целях. Есть спис-
ки всех жителей города, с адресами, с телефонами. В ком-

пьютерах. Есть такие ребята, которые из компьютеров не то что нашенский адрес – домашний телефон Моники Левински достанут. Если их хорошо попросить. Я хорошо попросила... знала, кого обаять. И на экране монитора возникает череда Митяевых, из которой мой ищущий взгляд выцепляет Митяеву Дарью Викторовну, 1982 года рождения, прописанную в самой что ни на есть Тьмутаракани, на Северном, и Митяеву Алевтину Петровну, 1960 года рождения, в чьем имени сразу видится многотрудная житуха рабочей окраины, неудачный безрадостный брак с Митяевым Виктором Савельевичем (пометка «выбыл, 1990 год»), постоянное подавленное раздражение на дочек не-таких-как-хотелось-бы, ибо в той же, судя по всему, частной халупе значится еще Митяева Виолетта Викторовна, 1978 года рождения (как раз тогда мода с западных имен перекинулась на кондовые). Мне очень не хочется ехать туда, еще сильнее, чем в Прутвино, которое висит надо мной дамокловым мечом неизбежной командировки, но... как иначе?

Северный – не то место, чтоб утопать в садах. Цветущие яблони, груши, сливы за дощатыми заборами – как неряшливые ляпы белил. Между неряшливо проведенными оградками – безнадежно захламленная торная улица. Асфальт здесь, похоже, известен как коммунизм – в виде недостижимой мечты.

Чувствую, как неуместны в этом закутке мира мои клетчатые джинсы и очки-хамелеоны.

Через калитку, которую страшно трогать – нашпигуешься занозами:

– Здравствуйте! – пустому двору. – Митяевы здесь живут?

Вековое неприятельское молчание в блочных стенах (финский дом) и треснутых окнах.

Да что ж это я теряюсь? Калитка-то держится на проволочной символике. Снимаю петельку, пинаю доску...

– Алло! – входя во двор.

– Чего еще?

У них это «чего?», стало быть, фамильное. Женщина в китайских тренировочных штанах на смолоду не задавшей-ся фигуре, в перманенте образца начала 80-х, в заношенной майке. Взгляд очень и очень недобрый. Но как ее винить, она всей жизнью приучена никому не верить и не ждать хорошего. Как и я, впрочем. Просто на моих эмоциях больше лоска.

Стоит ли пересказывать наш с нею разговор? Органическая вежливость моей речи, чужеродный для улицы Первомайской в поселке Северном вид и задетое больное место – непутевая младшая дочь, «засветившаяся перед журналистами». Можно было бы вести себя и попроще, но тогда кто знает, как бы дело повернулось. А так – Алевтина провела меня в сени, больше для того, чтобы соседи не совали нос в наши дела. Она физически страдала от моей посторонней причастности к изнанке их семейной жизни. Она в транс впала от известия о Дашкиной дочке – прикиньте, узнала, что стала бабушкой, от меня! И с ходу отказалась «кормить, поить,

воспитывать – коли нагуляла, пусть сама разбирается! И ее-то больше на порог не пущу!».

Сама того не осознавая, она вытряхнула передо мной все прочие личные дела – и как муж, строитель, от нее в Москву перебрался по лимиту, хоть официально не развелись, а уж восемь лет носа не кажет, и как старшая шалавится леший знает с кем, и как ее мать, бабка, то есть, девчонок, помирала на вот этих узловатых руках, а никому из семьи и дела не было, и каково ей работается смолоду намотчицей катушек. Я ее перебила тем, что шлепнула на угол пожившей деревянной скамьи лист бумаги, авторучку:

– Пишите, я продиктую! Хоть одной проблемой у вас станет меньше!

Надо же – она провела меня в комнату, убранную в соответствии со слободскими понятиями о красоте, сесть не предложила, но сама нацепила очки и написала отказ от внучки с тяжеловатой покорностью выходца из народа, глубинно верящего, что кому-то виднее, что делать. И расписалась, и число поставила.

– Вы, что ль, хотите удочерить?

– Почему бы и нет?

В ее лице читалось: «С жиру бесится!»

– Алевтина Петровна, а где Виолетта?

– А кто ж ее знает! Небось, со своим новым шлындает. Не ночевала. Зачем она вам-то?

– Я бы хотела, чтобы она тоже расписалась, что не возра-

жает против устройства судьбы вашей внучки моими силами. Ну, для формальности...

Еще один визит сюда мне бы не хотелось наносить.

Из монолога Алевтины я поняла все и о старшей дочери. Тошно передавать. Но Бог подыграл мне, и, громыхая каблуками, в комнату ввалилась девица, состоящая из форм, очень похожих на материнские, и жующей челюсти.

С ней мы договорились еще быстрее. Дашку тут откровенно не любили. И она семью не любила. Недаром не появилась даже на роды.

– Адреса мужа у вас нет?

– Какой он мне муж! На Дашку алименты забыла, когда и переводил последний раз. Небось, работает там без трудовой. А может, уж и не жив... Мне, что ль, по-вашему, дел больше нет, как ему письма писать?

Резонно.

Хватит ли мне подписей трех Митяевых?

Я кладу на стол Нине Семеновне отказы ближайших родственников от той, кому лишь предстоит оконкретиться в человеческую единицу.

– Как ее зарегистрировать в ЗАГСе? Или где там?

– Ты все же решилась?

– Не отговаривайте. Помогите. Любые деньги!

– Прекрати, дуреха! Зарегистрируем, потом с тобой начнем работать. Заявление о желании войти в ряды кандидатов

на усыновление напишешь...

Мое заявление ложится сверху.

...– Митяеву Елену Павловну? С присвоением ей фамилии Степнова?

– Да. Пусть ее зовут Еленой.

Пашке нравилось это имя.

Нина Семеновна сморкается ни с того ни с сего. И очень сурово говорит:

– Ну, тогда справки начинай собирать. И медицинские, и социальные, и об окладе...

Свидетельство о рождении Митяевой Елены Павловны у меня на руках.

– Инна! – орет дядя Степа, когда я в очередной раз отпрашиваюсь на заседание очередной комиссии по ставшему моим до подкормки вопросу. – Ты последнее время совсем не работаешь! Я тебя уволю к чертовой матери!..

– А вы у нее спрашивали – я ей нужна? – роняет мой поганый язык, и дядя Степа раздувается, как аэростат на старте – вот-вот взлетит и сбросит на меня бомбу монаршего гнева. Но меня куда больше заботит, признают ли мои жилищные условия и месячный доход достаточными, чтобы отдать мне моего ребенка.

Она еще не может говорить, но тянется ко мне цепкими

лапками, и в ее молочном прищуре мне мерещатся желто-зеленые Пашкины глаза. Они задираются: «Ну, что будем делать, маленький храбрый заяц?».

Я тоже не лох последний – об этом вслух не говорят, но кое-какие деньги в неподписанных конвертах подсунуты кому надо. Иначе, боюсь, дело было бы признано спорным. А еще мы с Ниной Семеновной сочинили премилую историю Ленкиного появления на свет, в которой фигурировало мое журналистское знакомство с Дашкой, сердечное покровительство последней и гуманистическая невозможность пройти мимо чужой беды. Подтвердить ее трудно. Опровергнуть и вовсе нельзя.

Меня просветили X-лучом официальных органов и ничего противосоциального не нашли.

Кнопке Ленке я купила коляску. Под вечер мы чинно гуляем по парку.

...Не верю! Глазам своим репортерским не верю!

«...удовлетворить ходатайство Степновой Инны Аркадьевны об удочерении Митяевой Елены Павловны, родившейся 4 мая 1999 года, с присвоением ей фамилии Степнова. 26 августа 1999 года».

Заключительный аккорд в музыкальной пьесе, что все лето разыгрывалась на моих нервах.

Я снова и снова вынимаю бумаги, таращусь в них: не верится! А вот Игорь Елкин сразу поверил:

– Ну что, причитается с тебя... мать-героиня?

Бумерангом летает это прозвище. Я его бросила, не думая, а оно ко мне же и вернулось.

– Потом. Не сегодня. Надо маму и дочку обрадовать.

Сбросила, в общем, коллег, рвавшихся пропить со мною вместе виртуальное рождение Ленки, с хвоста, – якобы, тороплюсь. Но ведь соврала – недорого взяла! Не доехав до дома, выскочила из троллейбуса, шпионски озираясь, и нырнула в парк так называемой культуры и отдыха (на самом деле это парк бескультурья и безобразий, но еще довольно рано). Купила баночку джин-тоника и побрела по чудом сохранившейся аллее со следами асфальта, пытаюсь примерить себя к новой роли.

В парке совершенная элегия – прозрачная полутьма, странное молчание, утонченный запах увядания и все такое прочее. Гляжу на себя со стороны – тургеневская героиня наслаждается собственным страданием, вписанная в красивую мизансцену. Попутно отмечает, правда, знаменательное событие, прихлебывая на ходу из мультипликационно-яркой банки. И даже курит на ходу, эмансипированная дуреха.

Теперь у Ленки есть документированная мама. Сколько времени уйдет на то, чтобы я стала мамой по-настоящему? Вот моя родительница – уже три месяца, как бабушка, а я, золотое перо, – положила руку на сердце, не такое ли перекапти-поле, как Ленкин отец?

Кстати, об ее отце.

Дурацкая идея: а не выискать ли Пашку в Чите, или где он там есть, через интернет? Вряд ли он поменял логин...

И что я ему скажу? Здравствуйте, вы наш папа? Я теперь мама вашей с Дашкой дочки?

А где гарантия, что он не спросит: кто такая Дашка? Да и вы, гражданка, собственно, кто такая? Впрочем, у вас красивый рот – такими губами приятно дегустировать вкус жизни. Хотите, сегодня вечером мы будем пить чашу жизни, соприкасаясь ртами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.